

ДИСКУССИИ

А.Л. Никифоров

НЕ ВСЕ ТО ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ («ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ТРАКТАТ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА)*

Никифоров Александр Леонидович – доктор философский наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

В статье обосновывается мысль о том, что философское содержание «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна является крайне бедным. Опираясь на язык пропозициональной логики, Витгенштейн строит чрезвычайно упрощенную модель мира, языка и познания. Его понимание познавательного образа как зеркального отображения реальности кажется наивным и не имеющим отношения к реальному научному знанию. Отсюда сделан вывод о том, что вклад Витгенштейна в философию XX в. часто преувеличивается. «Трактат» может быть интересен только представителям аналитической философии, но за рамками этого направления на него не обращают внимания.

Ключевые слова: онтология, метафизика, образ, предложение, логика, отражение, предмет, философия

К сожалению, о «Трактате» Витгенштейна чрезвычайно трудно говорить. Прежде всего потому, что язык этого своеобразного произведения часто весьма неясен, его нелегко понять и почти невозможно составить какое-то цельное и сколько-нибудь ясное представление об основных идеях автора. К тому же неясность языка «Трактата» породила огромное количество разнообразных толкований, интерпретаций, комментариев его утверждений. Достаточно сказать, что только у нас в России вышло четыре разных его перевода, причем переводчики и редакторы этих изданий, будучи весьма профессиональными исследователями творчества Витгенштейна, порой довольно далеко расходятся друг с другом при переводе важнейших терминов и утверждений «Трактата». Поэтому почти любое утверждение о «Трактате», о смысле его предложений может быть оспорено. Думаю, и с моими соображениями согласятся немногие, тем более что я не принадлежу к числу поклонников Витгенштейна и считаю, что этого мыслителя переоценили: его работы по их

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека», грант № 18-011-00980 ««Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического познания».

содержанию не могут претендовать на тот значительный вклад в философию XX в., который им приписывают. Это, в частности, относится и к «Трактату», философское содержание которого, на мой взгляд, ничтожно.

О Витгенштейне написано чудовищно много. Я буду опираться в основном на предисловие к первому русскому переводу «Трактата» (1958)¹; на книгу швейцарского философа г. Кюнга «Онтология и логический анализ языка» (1999)²; на популярную книгу Д. Эдмондса и Д. Айдиноу «Кочерга Витгенштейна» (2004)³; на подробные комментарии В. Руднева в издании «Людвиг Витгенштейн. Избранные работы» (2005)⁴; на издание «Трактата» И.С. Добронравовым и Д.Г. Лахути (2008)⁵; на книгу финского логика Я. Хинтикки «О Витгенштейне» (2013)⁶.

Мне кажется, личность любого философа в той или иной мере отображается в его произведениях, поэтому, быть может, полезно сказать несколько слов о самом Витгенштейне. Он родился в 1889 г. в Вене в семье одного из богатейших людей Австро-Венгрии сталелитейного магната Карла Витгенштейна, у которого было восемь детей – пятеро мальчиков и три девочки. Три брата Людвиг покончили с собой, сам он всю жизнь страдал тяжелым депрессивным расстройством и не раз был близок к самоубийству. Приехав в Манчестер (Англия) для обучения в Высшей технической школе, Витгенштейн познакомился с трудами Г. Фреге и Б. Рассела, увлекся логикой и в 1911 г. отправился в Кембридж слушать лекции Рассела. Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, Витгенштейн отправился добровольцем на фронт. Воевал и на русско-австрийском фронте. В конце войны попал в плен к итальянцам. В 1921 г. на немецком языке был опубликован его «Трактат», на который никто не обратил внимания. Но уже в 1922 г. появился английский перевод с предисловием Рассела, что привлекло широкое внимание к этой работе. Какое-то время Витгенштейн преподавал школьную математику в деревнях Австрийских Альп, затем в 1929 г. переехал в Англию, в Кембридж, где в возрасте уже сорока с лишним лет защитил докторскую диссертацию и читал лекции до своего выхода на пенсию. В Англии Витгенштейн отказался от многих идей своего «Трактата» и стал развивать философию обыденного языка. Умер он в 1951 г.

Когда знакомишься с биографией Витгенштейна, то складывается впечатление, что это был психически неуравновешенный, чрезвычайно самолюбивый и самоуверенный человек, абсолютно нетерпимый к чужим мнениям. После смерти отца в 1913 г. он пожертвовал крупную сумму денег деятелям австрийской культуры и отказался от наследства в пользу сестер. Но, кажется, он никогда не нуждался в деньгах. Я. Хинтикка полагает, что на творчество Витгенштейна существенное влияние оказало то, что он страдал дислексией – нарушением способности писать и воспринимать тексты. «Если это так, – продолжает Хинтикка, – тогда метод философского изложения у Витгенштейна не был осознанным выбором жанра или стиля, а был навязан ему дислексией, которая делала для него чрезвычайно трудным вербально артикулировать длинные лингвистические и другие символические структуры, такие как доказательства и другие аргументы»⁷.

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.

² *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. М., 1999.

³ *Эдмондс Д., Айдиноу Дж.* Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами. М., 2004.

⁴ *Витгенштейн Л.* Избр. работы. М., 2005.

⁵ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2008.

⁶ *Хинтикка Я.* О Витгенштейне. М., 2013.

⁷ *Хинтикка Я.* Указ. соч. С. 21.

Итак, что же представляет собой «Логико-философский трактат» Людвига Карловича Витгенштейна?

Это очень небольшая книжка (около или чуть более 80 страниц), в которой представлено 7 основных тезисов автора. Эти тезисы не обосновываются, а догматически провозглашаются. Утверждения, относящиеся к какому-то тезису, не доказывают, не подкрепляют, а дополняют, разъясняют, комментируют его. Текста нет, есть набор отрывочных пронумерованных афоризмов.

Если очень кратко выразить суть философского содержания «Трактата», то можно сказать, и это отмечали многие исследователи, что Витгенштейн строит, вернее, постулирует картину мира, являющуюся зеркальным отображением языка символической логики. Иначе говоря, он онтологизирует язык пропозициональной логики (логики высказываний), созданный Фреге, Расселом и Уайтхедом.

Я напомним о том, что представляет собой этот язык.

Имеется набор пропозициональных констант и переменных: $a, b, c, \dots$ и $x, y, z, \dots$, представляющих предложения; имеется набор логических связок: отрицание («неверно, что»), конъюнкция («и»), дизъюнкция («или») и импликация («если, то»); дается определение правильно построенного предложения: пропозициональная константа, «не- p », « p & q », « p или q », «если p , то q »; к этому добавляется одно или несколько правил вывода. Пропозициональные константы и переменные называются *атомарными* предложениями, предложения с логическими связками – *молекулярными*.

А вот учение о бытии или онтология Витгенштейна.

1. Мир есть все то, что имеет место⁸.

В. Руднев в своем переводе передает этот тезис так: «Мир – это все, чему случается быть». А затем дает обширный комментарий, сравнивая свой перевод с первым изданием «Трактата» 1958 г. и с изданием М.С. Козловой 1994 г. Вообще говоря, этот первый тезис абсолютно бессодержателен: «Мир есть то, что он есть». Но поклонники Витгенштейна открывают в нем все новые смыслы.

Дальше картина мира становится несколько более определенной.

1.1. Мир есть совокупность фактов, а не предметов. <...>

1.13. Факты в логическом пространстве суть мир. <...>

1.21. Любой факт может иметь место или не иметь места, а все прочее при этом остается тем же самым.

2. То, что имеет место, что является фактом, – это существование атомарных фактов.

В пропозициональной логике есть только предложения и связи предложений, в ней нет имен для предметов, поэтому и Витгенштейн видит в мире только ситуации, положения дел, факты – то, что описывается предложениями, что делает их истинными или ложными. И как наличие или отсутствие какого-то предложения никак не затрагивает других предложений, так и факты Витгенштейна совершенно независимы друг от друга. Сложные молекулярные факты разлагаются на простые атомарные факты. Пока мы видим полную аналогию мира Витгенштейна с языком пропозициональной логики.

Хотел бы обратить внимание на выражение «логическое пространство», весьма характерное для Витгенштейна. Что это такое – «логическое пространство»? Ясно, что это метафора. Физика говорит нам о том, что собой представляет физическое пространство: оно трехмерно, изотропно, оно мо-

⁸ Здесь и далее цит. по: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2008.

жет быть искривлено и т. п. Можно говорить, скажем, о «пространстве выбора». Это тоже метафора, но она достаточно понятна: вот из этого набора можешь выбирать, а другого ничего нет. Но как понять метафору «логическое пространство»? Что такое «логика» вообще? Есть аристотелевская логика, есть классическая логика высказываний и предикатов, есть интуиционистская логика, отказывающаяся от закона исключенного третьего и снятия двойного отрицания, есть многозначная логика с тремя, четырьмя и более истинностными значениями, есть модальная логика и т. д. Более того, существует даже так называемая «паранепротиворечивая» логика, допускающая противоречие. Все эти логические системы задают весьма разные «логические пространства», поэтому говорить о «логическом пространстве» вообще, без уточнений, – значит ни о чем не говорить.

Далее Витгенштейн отходит, кажется, от логики высказываний и начинает говорить о предметах.

2.01. Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов). <...>

2.012. В логике нет ничего случайного: если предмет *может* входить в атомарный факт, то возможность этого атомарного факта должна предрешаться уже в предмете. <...>

2.0123. Если я знаю объект, то тем самым я знаю и все возможности его вхождения в атомарные факты.

(Каждая такая возможность должна быть заложена в природе объекта.) <...>

2.0124. Если даны все объекты, то тем самым даны также и все *возможные* атомарные факты. <...>

2.0141. Возможность вхождения объекта в атомарные факты есть его форма. <...>

2.0272. Конфигурация объектов образует атомарный факт. <...>

2.04. Совокупность всех существующих атомарных фактов есть мир.

Итак, насколько можно понять, молекулярные факты разлагаются на атомарные факты, а эти последние распадаются на предметы, которые далее уже неразложимы. Предмет содержит в себе все возможности своего вхождения в атомарные факты (ситуации, положения дел). Знать предмет – значит знать, в какие возможные ситуации он может быть включен. Вот этот набор возможных ситуаций, элементом которых может быть предмет, Витгенштейн называет *формой* предмета. Множество предметов, таким образом, задает набор возможных ситуаций, из которых может состоять мир. Ясно, что не все возможности реализованы. Совокупность реализованных ситуаций – это и есть окружающий нас мир.

По-видимому, все это – не более чем схоластическая игра словами на уровне повседневного рассудка. Вот, например, Витгенштейн утверждает, что логическая форма предмета – это совокупность возможных ситуаций, в которые он может входить. В. Руднев в своем комментарии приводит в пример чайник: в чайнике можно кипятить воду, из чайника можно налить воду в чашку, чайник можно поставить на стол или на пол и т. п. Поэтому в чайнике уже заложены возможности его вхождения в такие ситуации. Знать чайник – значит знать, в какие возможные ситуации он может входить. Это имело бы какой-то смысл, если бы мы подразумевали только те ситуации, для вхождения в которые чайник был предназначен, или функции, для исполнения которых он был изготовлен. Но ведь Витгенштейн говорит о *всех* возможностях его использования! И это делает его понятие формы предмета совершенно расплывчатым. Я могу варить в чайнике кашу, могу хранить в нем соленые огурцы, могу положить его под подушку, чтобы сделать ее повыше, могу, в

конце концов, треснуть кого-то чайником по голове. Количество возможных ситуаций использования чайника неопределенно велико, и столь же неопределенным оказывается понятие формы предмета. Если знать предмет означает знать возможности его вхождения в разнообразные положения дел, а таких положений дел бесконечно много, то отсюда следует, что я не знаю и никогда не узнаю, что такое чайник.

В пропозициональной логике между атомарными предложениями нет никаких связей. Соответственно, и в мире Витгенштейна между фактами отсутствуют какие-либо связи, кроме логических.

5.1361. События будущего не могут выводиться из событий настоящего.

Суеверие есть вера в причинную связь. <...>

6.37. Не существует необходимости, по которой одно должно произойти потому, что произошло другое. Имеется только *логическая* необходимость.

6.371. В основе всего современного мировоззрения лежит иллюзия, что так называемые законы природы являются объяснениями природных явлений.

Таково учение о мире Витгенштейна, такова рисуемая им онтологическая картина. Ясно, что это совершенно умозрительное построение, это – та метафизика, которая вполне справедливо была отброшена логическим позитивизмом. Если сравнить метафизику Витгенштейна с великими метафизическими системами прошлого, то бросается в глаза ее бедность и примитивность: молекулярные факты распадаются на атомарные факты, которые представляют собой неизвестно какие конфигурации совершенно неясных предметов. Никаких связей в мире нет, поэтому в нем нет и законов. Наука может лишь фиксировать атомарные факты. Объяснять факты, предсказывать их она не может. Возникает вопрос: нужна ли она в таком случае? Д. Юм, как известно, сомневался в реальном существовании причинно-следственных связей, но он хотя бы обосновывал свои сомнения, а не просто провозглашал.

Если оценить в целом онтологию Витгенштейна, то можно сказать, что это очень примитивная модель, задаваемая чрезвычайно простым языком логики высказываний и находящаяся в явном противоречии с наукой и ее очевидными достижениями. Такие онтологические модели искусственных языков строить нетрудно. Язык, на который опирается Витгенштейн, содержит предложения и логические связи. Соответственно, онтологическая модель такого языка включает в себя простые и сложные ситуации. Если мы возьмем язык логики предикатов первого порядка, в котором есть индивидуальные константы и одноместные предикаты, то онтологическая модель такого языка будет содержать предметы и их свойства, а атомарное предложение будет описывать ситуацию наличия некоторого свойства у какого-то предмета. Добавив сюда двуместные предикаты, мы получим в онтологии ситуации, описывающие отношения между предметами. И так далее. Но ведь это до отвращения скучно!

Посмотрим теперь, какую теорию познания предлагает нам Витгенштейн.

2.1. Мы создаем для себя образы фактов.

2.11. Образ изображает положение дел в логическом пространстве – существование или несуществование атомарных фактов.

Как возникает образ какого-то положения дел или предмета? Начиная с античных греков, сколько идей и концепций было предложено различными философами, отвечавшими на этот вопрос! Воздействие на орган чувств, передача возбуждения по центростремительным нервам в мозг, переработка этого возбуждения в чувственный образ, различие между первичными и

вторичными качествами вещей, соединение физического и психического, работа воображения и т. д. – всего этого Витгенштейн не знает. Он просто постулирует, что мы неведомо каким образом создаем для себя образы фактов. И опять упоминается расплывчатое «логическое пространство»!

2.12. Образ есть модель действительности.

2.13. Объектам соответствуют в образе элементы этого образа.

2.131. Элементы образа замещают в образе объекты. <...>

2.141. Образ есть факт.

Вот еще одно словечко, на каждом шагу используемое Витгенштейном и совершенно лишенное смысла, – «факт». Факт – это и положение дел, и образ этого положения дел, и мысль, и предложение – все факт! В философии науки понятию факта все-таки пытались придать какое-то определенное значение: факт – это то, что несомненно, достоверно, что выражается протокольным или базисным предложением, факт противопоставляется теории, факт «теоретически нагружен» и т. п. Для всех вопросов, встающих в связи с пониманием соотношения между теорией и фактом, употребление этого слова Витгенштейном ничего не дает.

2.15. То, что элементы образа соединяются друг с другом определенным способом, показывает, что так же соединяются друг с другом и вещи. <...>

2.161. В образе и в отображаемом должно быть нечто тождественное, чтобы первый вообще мог быть образом второго. <...>

2.21. Образ соответствует или не соответствует действительности; он верен или неверен, истинен или ложен. <...>

2.223. Чтобы узнать, истинен или ложен образ, мы должны сравнить его с действительностью.

Каким-то совершенно неясным способом мы создаем для себя образы положений дел, ситуаций. Эти образы состоят из совокупностей образов предметов. Как предметы соединяются в реальной ситуации, точно так же соединяются образы предметов в образе ситуации. Мы создаем образы ситуаций, которые возможны. Не все из возможных ситуаций реализованы в мире, поэтому их образы могут быть как истинными, так и ложными. Чтобы узнать, какие из созданных нами образов истинны, мы обращаемся к действительности. Истинный образ является зеркальным отображением существующего положения вещей.

Выше шла речь о том, что если я знаю предмет, то знаю все его возможности вхождения в атомарные факты. Какие-то предметы я знаю и с помощью воображения, фантазии выдумываю разнообразные ситуации, составленные из известных мне предметов. Какие же из придуманных мной ситуаций реально существуют? Для ответа на этот вопрос нужно обратиться к действительности.

Конечно, лежа на диване, мы можем воображать себе самые разнообразные ситуации и положения дел. Однако чаще всего образы ситуаций появляются у нас благодаря воздействию внешнего мира на наши органы чувств. Когда я гляжу в окно и у меня возникает образ нашего двора, то этот образ не выдумывается мной, а создается под влиянием воздействия внешнего мира на мои органы чувств. Витгенштейн этого, кажется, совсем не осознает. К тому же он не понимает, что далеко не все образы, создаваемые нами, можно непосредственно соотнести с действительностью. Образы, включающие в себя идеализированные объекты, образы мысленных экспериментов заведомо не предполагают прямого соотнесения с реальностью. Впрочем, с этой точки зрения наука оказывается совершенно ненужной. Если все дело сво-

дится к тому, чтобы выдумать образ и соотнести его с реальностью, чтобы узнать, истинен он или ложен, то зачем нужны исследования, зачем нужны теории и эксперименты?

Короче говоря, то, что предлагает Витгенштейн в области теории познания, настолько философски наивно, безграмотно и плоско, что едва ли заслуживает серьезного рассмотрения. Хочу лишь обратить внимание на то, что так называемый «принцип отражения», о котором много говорили в нашей философии советского периода, Витгенштейн доводит до полного абсурда.

Далее Витгенштейн переходит к рассмотрению языка. К сожалению, опять приходится много цитировать.

3. Логический образ фактов есть мысль. <...>

3.01. Совокупность всех истинных мыслей есть образ мира.

3.02. Мысль содержит возможность того положения вещей, которое в ней мыслится. То, что мыслимо, также возможно.

Есть просто образы фактов, которые, как можно предположить, являются чувственными образами, и есть логические образы – это мысли. То, что мыслимо, то возможно. Здесь, по-видимому, имеется в виду только формальная или логическая возможность: возможно то, что непротиворечиво. Скажем, круглый квадрат невозможен, ибо он внутренне противоречив. Но почему он немислим? Только потому, что мысль у Витгенштейна рассматривается как образ, а образ круглого квадрата нельзя себе вообразить. Опять-таки, это очень широкое и расплывчатое представление о возможном. В реальном мире далеко не все, что логически возможно, возможно также и фактически. Я бросил из окна камень; падая на землю, он вдруг отрастил себе крылья, взлетел на ветку и закаркал. – Эта ситуация противоречит законам физики и биологии, следовательно, невозможна. Но для Витгенштейна она возможна, ибо мыслима.

3.1. Мысль в предложении выражается чувственно воспринимаемо. <...>

3.12. Знак, посредством которого мы выражаем мысль, я называю пропозициональным знаком. И предложение есть пропозициональный знак в своем проективном отношении к миру.

Здесь остается не вполне ясным, выражают ли мысль отдельные слова и словосочетания? Кажется, Витгенштейн полагает, что мысль может быть выражена только предложением. Тогда такие выражения, как «звездное небо», «треугольник», «Москва», не несут в себе мысли. Боюсь, с этим трудно согласиться.

3.14. Суть пропозиционального знака в том, что его элементы, слова, соединяются в нем определенным образом. <...>

3.1431. Сущность пропозиционального знака станет очень ясной, если мы будем представлять его себе составленным не из письменных знаков, а из пространственных объектов (например, столов, стульев, книг).

Пространственное взаиморасположение этих вещей выразит тогда смысл предложения.

3.21. Конфигурации простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурация объектов в положении вещей.

3.22. Имя замещает в предложении объект.

Мы видим, что и в учении о языке Витгенштейн руководствуется все тем же принципом зеркального отражения: конфигурация образов элементов в образе ситуации воспроизводила конфигурацию предметов в реальной ситуации; точно так же конфигурация слов в предложении зеркаль-

но отображает конфигурацию элементов ситуации. Между чувственным образом ситуации и ее логическим образом, т. е. предложением, по сути дела, особой разницы нет. Только в предложении место чувственных образов занимают слова, которые лишены содержания и выступают в качестве простых меток, прикрепленных к объектам. Это можно представить приблизительно следующим образом: напишем на листочке предложение «Смоленск расположен западнее Москвы» и сориентируем листочек так, чтобы слово «Смоленск» находилось западнее слова «Москва». Тогда мы получим то отображение реальной ситуации в предложении, о котором говорит Витгенштейн: два объекта и отношение между ними и два слова с таким же отношением между ними. Мне кажется, здесь становится совершенно очевидным, что Витгенштейн все время имеет в виду очень бедный искусственный язык, к естественным языкам все его рассуждения не имеют никакого отношения. Какие объекты и отношения можно выделить в ситуации, о которой говорит, например, такое предложение: «На заре она сладко так спит»? Единственный выход – объявить это предложение бессмысленным, что Витгенштейн и делает.

4. Мысль есть осмысленное предложение.

4.001. Совокупность предложений есть язык.

Выше я уже говорил о том, что лишать мысли слова, словосочетания, отвергать понятие как форму мысли кажется мне ошибочным. Когда я произношу слова «Бородино» или «блокада Ленинграда», разве в них нет мысли? И разве язык сводится к простой совокупности предложений?

4.01. Предложение – образ действительности. <...>

4.014. Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны – все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру.

Любопытное утверждение! Логическая структура мира и языка одна и та же. Какого языка? Ведь языков на земле чрезвычайно много, и их структуры весьма сильно различаются. Имеется в виду, очевидно, язык классической логики. Но откуда нам известно, что внешний мир имеет структуру одного из языков логики? Совпадает ли структура мира квантовых объектов со структурой нашего повседневного мира средних объектов и небольших скоростей и со структурой астрономических объектов? Когда начинаешь задумываться над тем, что же все-таки говорит Витгенштейн, то быстро обнаруживаешь, что он не говорит почти ничего.

Тем не менее Витгенштейн высказал одну идею, которая оказала влияние на последующее развитие философии. Речь идет о понимании им природы философии. Начиная с Фалеса и до XX в., философы искали ответы на мировоззренческие вопросы: что собой представляет окружающий нас мир? Как мы его познаем? Что такое человек и человеческое общество? Что такое истина, добро, прекрасное и т. п.? Философы разных стран и эпох давали разные ответы на эти вопросы, выражая умиротворение своей эпохи. Витгенштейн объявил все эти вопросы и поиски ответов на них бессмысленными.

4.003. Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка.

Ну да, а Витгенштейн понял «логику нашего языка», и оказалось, что это всего-навсего классическая логика высказываний. А если не это, то что тогда должно означать выражение «логика нашего языка»?

4.112. Цель философии – логическое прояснение мыслей.

Философия не теория, а деятельность.

Философская работа состоит по существу из разъяснений.

Результат философии – не «философские предложения», но прояснение предложений.

Вот эта мысль о том, что философия ничего не может сказать о мире, о познании, о человеке и что ее задача сводится лишь к прояснению предложений, была подхвачена и модифицирована представителями логического позитивизма, которые суть философии свели к логическому анализу языка. Влияние логического позитивизма и сторонников позднего Витгенштейна послужило той основой, на которой сформировалась англо-американская аналитическая философия, в которой анализ языковых выражений действительно занимает важное место. По-видимому, этим и исчерпывается вклад Витгенштейна в философию.

Но, может быть, его «Трактат» оказал влияние на развитие логики? Чтобы оценить это влияние, вспомним о том, что происходило в этой области в 20–30-е годы XX в. В 1918 г. польский логик Я. Лукасевич построил трехзначную логику, затем обобщил ее до логики с произвольным числом значений, а позднее предложил бесконечнозначную многозначную логику. В те же годы или чуть позже американский философ К.И. Льюис построил модальную логику, включающую в себя операторы «возможно» и «необходимо». В 1930 г. голландский математик и логик А. Гейтинг, ученик создателя интуиционизма Л. Брауэра, представил аксиоматическое построение интуиционистской логики. В 1931 г. австрийский логик и математик К. Гедель доказал теорему о неполноте формализованной арифметики, породившую целую программу исследований в области теории доказательств и имевшую важные философские следствия. В 1935 г. на немецком языке была опубликована знаменитая работа польского математика и логика А. Тарского «*Der Wahrheitsbegriff in den Formalisierten Sprachen*», в которой было показано, что удовлетворительное определение понятия «истина» требует тщательного разграничения объектного и метаязыка. Польский философ К. Айдукевич в 30-е годы разрабатывает теорию синтаксических категорий. На фоне этих результатов можно спросить: а что построил или доказал Витгенштейн? И оказывается, что по сравнению с названными авторами «Трактат» Витгенштейна дает для логики очень мало.

Но он и не собирался решать каких-либо философских или логических проблем! Об этом же говорит Хинтикка, хотя считает Витгенштейна выдающимся мыслителем XX века: «Как уже указывалось, Витгенштейн сам никогда не решал своих проблем и даже не сделал значительного вклада в их решение»⁹. Объявив философию бессмысленной, Витгенштейн и свой «Трактат» рассматривает как набор бессмыслиц.

6.54. Мои предложения поясняются тем фактом, что тот, кто меня понял, в конце концов уясняет их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как взберется по ней наверх).

Он должен перебраться через эти предложения, лишь тогда он правильно увидит мир.

⁹ Хинтикка Я. Указ. соч. С. 89.

Выше я пытался показать, что в предложениях Витгенштейна довольно мало смысла, при этом он чрезвычайно расплывчат. Автор сам с этим вполне согласен. Поэтому словосочетание «философия Витгенштейна» – это нон-сенс, у него нет никакой философии. Доказывать это – значит ломиться в открытую дверь, ибо сам он считал все философские высказывания бессмысленными и призывал помалкивать по поводу философских вопросов:

7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Тем не менее никуда не деться от того факта, что Людвиг Витгенштейн оказал весьма значительное влияние на философию XX в. И естественно возникает вопрос – почему? Почему этот плохо знавший философию инженер, косноязычный, неспособный написать связного текста автор, философ, опубликовавший всего лишь одну, лишённую философского содержания работу, получил столь широкую известность и оказал столь большое влияние на развитие философии XX в.? «Людвиг Витгенштейн (1889–1951) является, вероятно, наиболее известным философом двадцатого века. О нем написано огромное число книг. “Витгенштейн” является одной из наиболее четких категорий специализации на кафедрах философии в США. И все же возникает вполне допустимый вопрос, понята ли мысль Витгенштейна адекватно хотя бы наполовину. Этот вопрос поднимался и самим Витгенштейном, выразившим опасение, что единственным наследием его философии окажется просто некоторый жаргон»¹⁰.

Возможно, какую-то роль в этом сыграла сама личность Витгенштейна. Почти все знавшие его люди отмечают колоссальную энергию, исходившую от него и захватывавшую в плен почти каждого, с кем он соприкасался. Его ученики, сторонники, поклонники относились к нему как к какому-то высшему существу. Когда Витгенштейн в 1929 г. приехал в Англию, встречавший его на вокзале Дж. М. Кейнс писал сестре: «Итак, Бог прибыл. Я встретил его на вокзале в 5.15»¹¹. Витгенштейн по прибытии в Кембридж должен был написать и защитить диссертацию по философии. Руководителем ему назначили Ф. Рамсея. Оппонентами на защите были Дж. Мур и Б. Рассел. Конечно, никакой защиты не было, они поспорили немного, затем Витгенштейн встал, похлопал своих экзаменаторов по плечу и покровительственно заметил: «Да не волнуйтесь вы: я знаю, что вы этого никогда не поймете»¹². Такие незаурядные люди, как Мур и Рассел, причем бывшие намного старше Витгенштейна и по возрасту, и по статусу, не возмущались подобным обращением. Несомненно, Витгенштейн вызывал уважение, переходящее в восхищение и преклонение, во многих людях, с которыми сталкивала его судьба. Правда, не во всех. Тот же К. Поппер, 10-минутному спору которого с Витгенштейном Эдмондс и Айдиноу посвятили целую книгу, терпеть его не мог и смеялся над философией лингвистического анализа. В 1930 г. в кембриджском журнале появилось стихотворение, автор которого, юный студент Джулиан Белл, высмеивал манеру Витгенштейна вести дискуссию:

Он прерывает речь любого среди нас
И после этого вещает битый час.
Он громко спорит и шумит – ужасный нрав! –
Уверен в том, что прав, и счастлив тем, что прав¹³.

¹⁰ Хинтиikka Я. Указ. соч. С. 7.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Руднев В. Приложение // Витгенштейн Л. Избр. работы. М., 2005. С. 433.

¹³ Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Указ. соч. С. 194.

Возможно, популярность Витгенштейна отчасти объяснялась особенностями его личности и тем впечатлением, которое он производил на знавших его людей. Хинтикка говорит о том, что он постоянно и напряженно, даже мучительно размышлял над волновавшими его проблемами и это привлекало к нему людей. Но что же привлекает к нему тех, кто не был знаком с ним лично? Почему издаются его сочинения, не публиковавшиеся при его жизни, издаются его записные книжки и заметки по тем или иным темам? Почему до сих пор не иссякает поток истолкований и разъяснений его текстов? Почему В. Руднев свое изложение биографии Витгенштейна озаглавил «Божественный Людвиг»?¹⁴

Чтобы оценить реальное влияние Витгенштейна на философию XX в., нужно посмотреть на тех, кто им восторгается, кто о нем пишет. И мы сразу же увидим, что это, как правило, представители так называемой англо-американской аналитической философии – все те, кто сделал логику и логический анализ языка главным содержанием философских исследований. Широко распространено мнение о том, что из идей «Трактата» в своих исследованиях исходили представители Венского кружка и логического позитивизма. Логический позитивизм действительно на протяжении 30–50-х гг. был одним из самых влиятельных философских направлений. Переезд многих его представителей в университеты США подготовил почву для формирования аналитической философии. И аналитические философы видят в Витгенштейне родоначальника своего направления и до сих пор вчитываются в «Трактат». Представители других философских школ – сторонники Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Поппера – о Витгенштейне не упоминают. Только тот, кто сидит в клетке аналитической философии и ничего не видит за ее пределами, может считать Витгенштейна крупным мыслителем. Поэтому если Витгенштейн и оказал какое-то влияние на философию XX в., то только на одно весьма расплывчатое направление – на аналитическую философию.

Однако в явлении Витгенштейна можно усмотреть некий многозначительный символ. В начале XX в. становится все более заметной общая деградация европейской культуры, наиболее отчетливо проявившаяся в изобразительном искусстве. «Черный квадрат» (1913 г.) Казимира Малевича символизировал расставание с классической предметной живописью, с импрессионизмом и переход к абстрактной живописи. Квантовая механика и теория относительности обозначили границы классической физики. Первая мировая война обесценила и развеяла идеалы эпохи Просвещения. В своем «Трактате» Витгенштейн объявил о смерти философии: бессмысленно искать ответы на мировоззренческие вопросы, поэтому философия может сохраниться только как средство прояснения мыслей. И его «Трактат» явился примером и символом деградации философии: она была сведена к бессмысленной деятельности по «прояснению» мыслей.

К счастью, объявление о смерти философии оказалось преждевременным. И в XX в. возникали новые философские школы и появлялись интересные и глубокие мыслители. Да что там говорить! Даже самые пылкие поклонники Витгенштейна продолжали и продолжают писать философские работы. А ведь учитель сказал им, что все философские утверждения бессмысленны, что они должны заниматься лишь прояснением чужих мыслей, а не изобретать свои. По-видимому, даже они не принимают его рассуждения всерьез. Скажем, известный финский логик и философ Г. Х. фон Вригт

¹⁴ Это кажется столь же смешным, как смешно было бы словосочетание «Божественный Иммануил (Кант)» или «Божественный Карл (Маркс)».

считал себя учеником Витгенштейна, после ухода его на пенсию возглавил его кафедру в Кембридже, после смерти Витгенштейна собирал и издавал его записные книжки, но в логических и философских трудах фон Вригта влияние Витгенштейна почти совсем не чувствуется. Достаточно почитать его книжку «Объяснение и понимание»¹⁵, чтобы увидеть, насколько далек был фон Вригт от идей своего учителя.

Конечно, поклонникам или сторонникам какого-нибудь мыслителя всегда неприятно, когда в его адрес кто-то высказывает критические замечания. Особенно ревниво относятся к таким замечаниям приверженцы Витгенштейна, готовые каждое слово его объявить божественным откровением и с возмущением отвергающие все попытки покуситься на его авторитет. Но все-таки философская школа, я надеюсь, это не религиозная секта, и развитие философии всегда было связано с критической дискуссией. Выше я пытался высказать некоторые аргументы в защиту того тезиса, что философское содержание «Трактата» Витгенштейна является очень скудным и не заслуживает той высокой оценки, которую ему часто приписывают.

В какой мере верны или ошибочны эти аргументы? Вот в чем вопрос.

Список литературы

Витгенштейн Л. Избранные работы / Пер. с нем. с англ. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и сверено с авториз. англ. переводом И. Добронравовым, Д. Лахути. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. и англ. И.С. Добронравов и Д.Г. Лахути. М.: Канон+; Реабилитация, 2008. 288 с.

Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. Избр. тр. / Пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. 595 с.

Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. А.Л. Никифорова. М.: Дом интеллектуал. кн., 1999. 237 с.

Хинтиikka Я. О Витгенштейне / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Канон+, 2013. 272 с.

Эдмондс Д., Айдиноу Дж. Кочерга Витгенштейна. История десятиминутного спора между двумя великими философами / Пер. с англ. Е. Канищевой. М.: НЛО, 2004. 352 с.

All is not gold that glitters: Wittgenstein's *Tractatus**

Aleksander L. Nikiforov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

In this paper, the author provides arguments to support the view that the strictly philosophical contents of Wittgenstein's *Tractatus* are in fact quite poor. Wittgenstein, relying on the language of propositional logic, constructs an exceedingly simplified model of the world, of language and knowledge. His understanding of the cognitive image as a mirror reflection of reality appears to be rather naïve and bearing little relation to true scientific knowl-

¹⁵ *Вригт Г.Х. фон.* Логико-философские исследования. Избр. тр. М., 1986.

* The present paper has been prepared for publication with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No. 15-03-00872: Linguistic universals in constructing a picture of the world.

edge. These considerations prompt the conclusion that the importance of Wittgenstein's contribution to 20th century philosophy is often exaggerated. His *Tractatus* represents any real interest only to analytic philosophers and merits little attention outside that camp.

Keywords: ontology, metaphysics, image, proposition, logic, reflection, object, philosophy

References

Edmonds, D. & Eidinow, J. *Kocherga Vitgenshtejna. Istoriya desyatiminutnogo spora mezhdv dvumya velikimi filosofami* [Wittgenstein's Poker. The Story of a Ten-Minute Argument Between Two Great Philosophers], trans. by Ye. Kanistcheva. Moscow: NLO Publ., 2004. 352 pp. (In Russian)

Hintikka, J. *O Vitgenshteine* [On Wittgenstein], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+ Publ., 2013. 272 pp. (In Russian)

Küng, G. *Ontologiya I logicheskii analiz yazyka* [Ontology and the Logistic Analysis of Language], trans. by A. L. Nikiforov. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 237 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Izbrannye raboty* [Selected Works], trans. by V. Rudnev. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2005. 440 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logico-Philosophical Treatise], trans by I. S. Dobronravov and D. G. Lakhuti. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1958. 132 pp. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logico-Philosophical Treatise], trans. by I. S. Dobronravov and D. G. Lakhuti. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 288 pp. (In Russian)

Wright, G. H. von. *Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbrannye trudy* [Explanation and Understanding. Philosophical papers], trans. from English, ed. by V. A. Smirnov. Moscow: Progress Publ., 1986. 595 pp. (In Russian)